
СОЦИАЛЬНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК ИСТОЧНИК АРХЕТИПА УПРАВЛЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ М. КРОЗЬЕ

Ирина Козлова*

Для понимания позиции М. Крозье относительно феномена власти, автором статьи анализируется такое ставшее уже привычным в современной науке понятие как «социальное бессознательное». Особенно важным анализ указанного феномена социальной жизни представляется нам для более глубокого понимания такого явления, который М. Крозье определил как «архетип управления». В статье также рассматривается большая роль женского компонента социального бессознательного, на который опирался «архетип управления», под которым подразумевается та самая бессознательная совокупность женских образов, которая точно так же, как и компоненты архетипа управления, является регулирующим и управляющим фактором в жизнедеятельности социума. Стоит ли бюрократическим кругам Франции, в частности центральной власти, использовать как проявленные составляющие архетипа управления, так и непроявленные (женский архетипический элемент) для того, чтобы общественное сознание развивалось в русле тех регуляционных факторов, которые задаются динамикой социального бессознательного? Как в таком случае позиции власти будут приниматься массами? Можно ли надеяться на то, что напряженность между управленческими структурами и прочими подсистемами социума заметно пойдет на спад?

Являющееся предметом анализа для Мишеля Крозье французское общество в настоящее время находится в состоянии нестабильности, следовательно, вскрытие пластов социального бессознательного, обладающего компенсаторной функцией, является, безусловно, актуальным. Поэтому стоит несколько расширить тот культурологический анализ, который был предпринят М. Крозье при определении французского архетипа управления.

В своем фундаментальном анализе бюрократической системы М. Крозье выделяет в качестве основополагающей проблему власти, являющейся, по его словам, центральной «в генезисе бюрократического феномена» [15. С. 193]. В своих исследованиях французский социолог стремится рассмотреть феномен власти с различных сторон, выделяя

разные грани его проявления в социально-политической структуре. Значительный упор М. Крозье делает на рациональную, сознательную сторону власти, стремясь при этом расширить чрезмерно узкое понятие рациональности, доминировавшее в социологии в предшествующий период, прежде всего, под влиянием тейлоризма. М. Крозье всячески подчеркивал, что его представление о рациональном расчете значительно отличается от представления его предшественников. «Речь идет об абсолютно иной, нежели пятьдесят лет назад, рациональности. Рационалисты классической научной организации смотрели на членов организации лишь как на простые винтики машины, а не как на человеческие существа. Для них исполнитель был только лишь рукой. Движение «человеческие отношения» показало, что эта точка зрения

---

* Козлова Ирина Александровна, аспирант кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России

недостаточно верна, что исполнители также чувственные существа» [15. С. 202].

Однако мы полагаем, что для дополнения и расширения анализа, предпринятого М. Крозье, для лучшего понимания его позиции относительно феномена власти, целесообразным представляется подробно проанализировать такое ставшее уже привычным в современной социологии понятие как «социальное бессознательное». Особенно важным анализ указанного феномена социальной жизни представляется нам для более глубокого понимания такого явления, который М. Крозье определил как «архетип управления» [14. С. 93].

Архетип не может быть ассимилирован обыденным сознанием, поэтому менталитет народа формируется во многом именно благодаря бессознательной составляющей. Так, по замечанию Ф. Грауса, «ментальности» не зависят от мышления (сознания), «а, значит, «ментальности не могут быть сформулированы их носителям», не могут быть «непосредственно переданными в виде традиции или заученными!» [12. С. 35]. Поэтому архетип управления, укоренившийся в менталитете французской нации, может быть полностью вскрыт и детально изучен лишь при анализе социального бессознательного французского народа.

Для ряда социологов оперирование понятием «социальное бессознательное» является привычным при анализе тех или иных феноменов социальной жизни. Так, введенное в широкий научный обиход еще Эрихом Фроммом [11] указанное понятие дало дополнительные возможности для проникновения в пласты менталитета масс, играющего значительную роль во всех сферах жизнедеятельности общества. Однако, хотя сближение Фроммом социального бессознательного с индивидуальным бессознательным З. Фрейда открывает вытесненные комплексы идей и представлений определенного социума, все же подобная трактовка является неполной. Так, опираясь на концепцию Фромма, мы можем предположить вытеснение в бессознательное определенных компонентов архетипа управления в сознании французского народа после революции 1789 г., в частности компонентов, касающихся сакральной власти короля (что облегчило, при сохранении вытесненных комплексов в социальном бессознательном, упразднение республиканских форм правления и заменой ее диктатурой Наполеона Бонапарта). Однако на наш взгляд, социальное бессознательное не ограничивается лишь вытесненными элементами

ментальной структуры социума, что позволяют утверждать и работы ряда современных социологов, стремящихся исправить чрезмерный уклон прежней социологии в сторону узко-рационального компонента [10]. При этом отечественная исследовательская мысль дает нам возможность понять социальное бессознательное как совокупность сложившихся исторически представлений народа, необязательно вытесненных, но остающихся, как правило, за пределами анализирующего сознания, однако неотделимых от массового сознания и обладающих значительной устойчивостью: «массовое бессознательное обладает большой устойчивостью и инерционностью», отмечал доктор социологических наук В.Г. Немировский [6. С. 16]. Некоторые исследователи определяют данный феномен как стержень, задающий направление развитию социума, некоторые же определяют его такими терминами как «социоген», «ценностный геном» [8], [16].

Понимаемый в таком ключе феномен социального бессознательного рассматривается как носитель компенсаторной функции, что сближает его с понятием коллективного бессознательного, изучаемого психологами юнгианской школы. «Социальное бессознательное содержит свои внутренние законы организации и упорядочивания социума, которые складываются из прошлого социального опыта, представляя собой немаловажный регулирующий социальные процессы механизм... В периоды нарастания социального напряжения и усложнения социальных процессов массовое бессознательное способствует удержанию устойчивости трансформирующегося общества посредством опоры на универсальную систему коллективных представлений, образов, стилей поведения, тем самым снижая риск окончательного разрушения социальной системы» [1. С. 165].

Концепция Мишеля Крозье, будучи интегрирована в указанное направление социологической мысли, представленное такими отечественными исследователями, как А.И. Субетто, С. И. Григорьев, М.А. Розов, В.Л. Романов и т.д., сможет быть лучше адаптирована для понимания процессов развития общества.

Являющееся предметом анализа для Мишеля Крозье французское общество в настоящее время находится в состоянии нестабильности, следовательно, вскрытие пластов социального бессознательного, обладающего компенсаторной функцией, является, безусловно, актуальным. Поэтому стоит несколько расширить тот культурологический анализ, который был предпринят Мишелем

Крозье при определении французского архетипа управления.

Прежде всего, на что обратил внимание Крозье, это благосклонность французов к абсолютной власти. Корни этого, как он полагает, необходимо искать в сильной монархической традиции, сложившейся во Франции. И действительно, если проследить историю отношений французов к власти монархов, то можно увидеть, что французский народ по-особенному воспринимал своих суверенов, полагая их даже более легальными королями, нежели все остальные короли. Ведь французский король помазывался на царство совершенно особым елеем. Кроме того, он полагался чудотворцем: в частности, французскому королю приписывалась сила исцелять больных золотухой [2]. И хотя Французская революция 1789 г. перевернула многие стереотипы в менталитете общественного сознания французского народа, все же социальное бессознательное не было избавлено от положительного образа монарха, сформировавшегося во многом благодаря таким историческим личностям как Карл Великий, Людовик IX Святой, Людовик XIV. Именно это обеспечило выдвижение Наполеона и коронацию его императором, это являлось одной из основных причин реставрации монархии, и это же повлияло на то, что с окончательным утверждением республиканского строя правления в стране установилась сильная президентская власть.

Однако укоренение в социальном бессознательном положительных представлений о монархической власти не отвечает на вопрос, почему французский менталитет столь устойчив к бюрократическим институтам. Ответ на этот вопрос дает тот факт, что рядом с сакральной фигурой короля постоянно присутствовали образы приближенных монарха-первов, легендарных паладинов Карла Великого, выдающихся полководцев времен Карла VII и т.д.

Далее, иерархическая власть, о которой пишет Крозье, формировалась во многом за счет бюргерства-успехи коммунального движения XII в., благосклонность Алиеноры Аквитанской, Людовика Святого и некоторых других монархов к коммунанам позволили городским старшинам стать неотъемлемой частью французской системы управления, то есть иерархическая власть формировалась не только «сверху», но также и «снизу», как путем восстаний, так и путем мирных соглашений бюргерства с суверенами или нобилитетом.

Кроме того, наследование бюрократическим аппаратом некоторых функций, при-

сущих прежде священнослужителям, теперь, после секуляризации общественной жизни, также обеспечивает за бюрократией право управлять и являться привилегированным социальным образованием.

Немаловажный и, возможно, первоочередной момент в раскрытии представлений о правителе, является воззрение о мессианской роли короля, а через него - мессианской роли Франции в целом. И хотя монарх не упоминался непосредственно как мессия, его связывали с теми библейскими персонажами, которые являлись ключевыми в священной истории [5. С. 297-307]. Мессианство Франции проявлялось в открытости миру и в постоянном стремлении нести другим странам какие-то идеалы. Это проявилось в эпоху крестовых походов. Это проявилось и в воззрениях на Францию как на хранилище мировой мудрости, в принципе *translatio studii* - принципе преемственности знаний от Греции, через Рим [5. С. 272]. И французы рассматривали свою страну как кладь знаний, которыми следует делиться со всем остальным миром. Проявлялось это также и в период после Французской революции, когда французы считали себя избранным народом, призванным нести Европе новые, революционные ценности. Проявляется это и теперь, когда центральная власть заявляет о безоговорочном приоритете ряда высоких ценностей и ее стремлении содействовать распространению этих ценностей в мире, что демонстрировали, в частности, высказывания Франсуа Олланда во время его первого визита в Москву в качестве Президента Французской республики.

Мессианство Франции было представлено и в ее гербе. По мнению Мишеля Пастуро, лазурное поле, усеянное золотыми лилиями - это образ бесконечности вселенной, это космический узор, делающий Францию представителем высших сил [7. С. 273].

Итак, как видно из произведенного краткого анализа, архетип управления социального бессознательного французского общества включает в себя те сакрализованные традицией элементы, которые дают иерархической власти несомненную легитимность. И даже в том случае, если общественное сознание толкает массы на противостояние с иерархической властью, социальное бессознательное (по крайней мере, все представленные здесь составляющие архетипа управления) будет всячески препятствовать эскалации конфликтной ситуации между массами и властными структурами.

Это подтверждает и анализ Крозье, который говорит о нежелании масс выступать непосредственно против власти, сталкиваясь с нею лицом к лицу.

Однако, производя культурологический анализ рассматриваемого архетипа управления, нельзя не обратить внимание на «непроявленность» в настоящее время одного из существенных элементов социального бессознательного французского общества, который имеет непосредственное отношение к формированию французского архетипа управления, являясь его основой, своего рода матрицей. Речь идет о женском архетипическом компоненте, важность которого для социального бессознательного отмечается исследователями [9].

Для данной проблемы является обязательной непосредственная связь с гендерной проблематикой, однако актуальность последней является лишь подтверждением непроявленности женского компонента-«анимы», выражаясь языком психоанализа [13. С. 21-34].

В исследованиях Крозье данная проблема находила некоторое отражение, однако мы полагаем, что социолог уделил ей недостаточное внимание, как правило, лишь констатируя результаты, не обобщая их и не делая выводов.

Так, он передает слова одной из сотрудниц Парижского финансового агентства, относящиеся к руководству профсоюзов: «Нас защищают мужчины, которые не понимают наши проблемы (как женщин) со всей точностью, и не всегда входят в наше положение» [15. С. 43].

Однако, когда речь идет о женском архетипическом компоненте, подразумевается нечто большее, нежели гендерный вопрос. Под подразумевается та самая бессознательная совокупность женских образов, которая, точно так же, как и рассмотренные нами выше компоненты архетипа управления, является регулирующим и управляющим фактором в жизнедеятельности социума-носителя данных архетипов.

Анализируя динамику женского компонента в социальном бессознательном французской нации, можно утверждать, что проявленность его в историческом развитии Франции была особенно сильна (до определенного времени).

Среди основных образов, выражающих «аниму» социального бессознательного именно французского народа, можно прежде всего упомянуть «Fleur de lys», являвшийся символом самой Франции. Далее, «Universitas», представлявший собой предмет

гордости Франции не только в Средние века, но и в настоящее время и являвшийся средством для реализации того самого *translatio studii*, которое французы возлагали на себя в качестве вселенской миссии и который является себя сегодня главным образом в Сорбонне, также имеет своей основой женский архетипический компонент. В этом ряду могут быть упомянуты образы святых-покровительниц того или иного города, или же всей Франции в целом. Прежде всего, это святые Женевиэва и Жанна д'Арк.

Женский компонент социального бессознательного, на который опирался и архетип управления, был настолько силен, что даже коренная ломка традиционных ценностей, произошедшая во время революции 1789 г., не смогла вытеснить его вовсе, но произошла лишь замена образов.

Так, после показательной «казни» святой Женевиэвы, когда ее мощи были разрублены революционерами, после упорной дискредитации Вольтером и иными интеллектуалами образа Жанны д'Арк, после отвержения французской Лилии, после отторжения «Матери-Церкви» возникла настоятельная необходимость появления иных женских образов, без которых просто немыслимо рождение новой культуры.

Именно тогда возник знаменитый образ, воплощенный Эженом Делакруа в картине «Свобода, ведущая народ», именно тогда в коллективном сознании укрепился образ Марианны и по сегодняшний день сохраняющий, пусть и значительно ослабевшую, сведенную лишь к символической, но все же значимость для французской нации.

Однако культурологический анализ показывает, что с течением времени напряженность образов революционной Франции ослабевала, и сегодня образ Марианны уже не вызывает того отклика, который вызывал два века или даже столетие назад.

Но поскольку бессознательное обладает компенсаторной функцией, рано или поздно недостаток женского компонента в жизнедеятельности общества (и, в частности, в социально-политической жизни, регулируемой архетипом управления) проявил бы себя через настойчивое внедрение женского элемента в различные сферы социальной жизни. И некоторые проявления этого процесса мы можем наблюдать теперь. «В последние десятилетия произошло одно из самых радикальных изменений в культурной сфере за всю историю-переход к гендерному равенству... Особый накал противоречий вызывает вопрос о том, должны ли мужчины считать-

ся более пригодными на роль политических лидеров, чем женщины. В целом большинство населения планеты по-прежнему отдает предпочтение мужчинам, однако в постиндустриальных обществах доля людей, придерживающихся противоположной точки зрения, уже составляет большинство, и оно постоянно растет, а среди молодежи стало просто подавляющим» [4. С. 89].

Социально-политическая жизнь Франции в настоящее время испытывает некоторое воздействие со стороны женского элемента архетипа управления. Паритетное распределение между политиками мужского и женского пола министерских портфелей (17 портфелей из 34 получили представительницы слабого пола) в кабинете, возглавляемом Жан-Марком Эро; выдвижение Сеголен Руаяль на пост президента Франции и поддержка ее кандидатуры почти половиной граждан-подобные события являются подтверждением защищаемой нами гипотезы. Причем архетипический контекст настоящих событий политической жизни может

проявляться через аллюзии к неким глубинным женским образам социального бессознательного, уже отмеченным нами выше. Так, характерно сопоставление фигуры Сеголен Руаяль с образом Жанны д'Арк, так же, как и высказывание самой Руаяль о том, что «скоро появится много Жанн» [3].

Таким образом, мы можем отметить, что бюрократические круги Франции, и прежде всего центральная власть, должны использовать как проявленные составляющие архетипа управления, так и непроявленные (в частности женский архетипический элемент) для того, чтобы общественное сознание развивалось в русле тех регуляционных факторов, которые задаются динамикой социального бессознательного. В таком случае позиции власти будут принимаемы массами со значительно большей долей участия, и напряженность, путь к минимизации которой постоянно искал Крозье, между управленческими структурами и прочими подсистемами социума заметно пойдет на спад.

Литература:

1. Анциферова Т.Н. Массовое бессознательное как фактор социальных изменений // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3-4.
2. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.
3. Долгополова С. Фаворитка // Политический журнал № 19 (114) / 29 мая 2006 // <http://www.politjournal.ru>
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
5. Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001.
6. Немировский В.Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования, 2006. № 2.
7. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб, 2012.
8. Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. СПб., 2005.
9. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб, 2002.
10. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение - феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования, 1998. № 1.
11. Фромм Э. Из плена иллюзий (Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом). М., 1991.
12. Эксле О. Г. Действительность и знание. М., 2007.
13. Юнг К.Г. Эон. М., 2009.
14. Crozier M. La société bloquée Paris, 1971.
15. Crozier M. Le Phénomène bureaucratique. Paris, 1971.
16. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. М., 1994.

SOCIAL SUBCONSCIOUS AS A SOURCE OF THE ARCHETYPE OF POWER-SHARING IN M. CROZIER'S CONCEPT

The article analyzes the notion of «social subconscious» to understand the position of M. Crozier regarding the phenomenon of power. It is especially important to analyze this phenomenon of social life in order to further understand the phenomenon that M. Crozier defined as “the archetype of control.” The article also analyzes a large part of women's social role of the subconscious, which is based on «the archetype of power.” The very subconscious set of female characters which is exactly the same as the components of the archetype of power is the regulatory and controlling factor in the life of society. Can bureaucratic circles of

France (the central government in particular) use different archetypes of power, including female archetypal element, so that the public consciousness would develop in line with those regulatory factors that are given by the social dynamics of the subconscious? Will the authority's position be accepted by the masses? Can we hope that the tension between the governance structures and other subsystems of society start to decline significantly?

Irina A. Kozlova, Postgraduate researcher, Department of political theory, MGIMO(University) under the MFA of Russia

Ключевые слова:

иерархическая власть, социальное бессознательное, архетип управления, женский компонент, общественное сознание, проявленные составляющие архетипа управления, непроявленные составляющие архетипа управления

Keywords:

power, social subconscious, archetype of power-sharing, female component, public conscious.

References:

1. Antsiferova T.N. Massovoe bessoznatel'noe kak faktor sotsial'nykh izmenenii [Mass unconscious as a factor of social change] // *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and Practice of Community Development]. 2009. No. 3-4.
2. Blok M. Koroli-chudotvortsy: Ocherk predstavlenii o sverkh»estestvennom kharaktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii. [Kings-wonderworkers Essay ideas about the supernatural nature of royal power, distributed mainly in France and England]. M., 1998.
3. Dolgopolova S. Favoritka [Favourite] // *Politicheskii zhurnal* [Political Journal]. No. 9 (114)/29th of May 2006. <http://www.politjournal.ru>.
4. Ingkharth R., Vel'tsel' K. Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratii: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiia [Modernization, Cultural Change and Democracy: The sequence of human development]. M., 2011.
5. Le Goff Zh. Liudovik IX Sviatoi [St. Louis IX]. M., 2001.
6. Nemirovskii V.G. Massovoe soznanie i bessoznatel'noe kak ob»ekt postneklassicheskoi sotsiologii [Mass consciousness and the unconscious as an object postnonclassical Sociology // *Sotsiologicheskie issledovaniia*, [Case Studies]. 2006. No. 2.
7. Pasturo M. Simvolicheskaiia istoriia evropeiskogo srednevekov'ia [Symbolic history of the European Middle Ages]. St. Petersburg, 2012.
8. Sikevich Z.V., Krokinkaia O.K., Possel' Iu.A. Sotsial'noe bessoznatel'noe [Social unconscious]. St. Petersburg. 2005.
9. Sokolov A.V. Obshchaia teoriia sotsial'noi kommunikatsii [The general theory of social communication]. St. Petersburg, 2002.
10. Toshchenko Zh.T. Sotsial'noe nastroyenie - fenomen sovremennoi sotsiologicheskoi teorii i praktiki [Social mood - the phenomenon of contemporary sociological theory and practice] // *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Case Studies]. 1998. No. 1.
11. Fromm E. Iz plena illiuzii (Kak ia stolknulsia s Marksom i Freidom) [From the captivity of illusions (How I faced Marx and Freud)]. M., 1991.

12. Eksle O. G. Deistvitel'nost' i znanie [Reality and knowledge] // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. M., 2007.
13. Jung C.G. AION. Akademicheskii proekt [Academin project]. M., 2009.
14. Crozier M. La société bloquée [Blocked society]. Paris, 1971.
15. Crozier M. Le Phénomène bureaucratique [Bureaucratic phenomenon]. Paris, 1971.
16. Subetto A.I. Sotsiogenetika: sistemogenetika, obshchestvennyi intellekt, obrazovatel'naia genetika i mirovye razvitiie [Sociogenetics: system-genetics, social intelligence, genetics education and global development]. M., 1994.